

A $\frac{218}{2202}$
N 21

~~100~~
~~122~~
А 218
2202
А. А. Кизеветтеръ.

ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ

И

ЕГО ОППОНЕНТЫ.

~~130~~
8 14 рубли
МОСКВА—1898.

Изданіе книжнаго магазина ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ.
(І. Енебель).

2007051320

Дозволено цензурою. Москва, 2-го апрѣля 1897 г

Высочайше утвержд. Т—ство „Печатня С. П. Яковлева“. Петровка,
Салтыковскій пер., д. Товарищества, № 9.

А

I.

XVI вѣкъ вообще и царствованіе Ивана Грознаго въ частности—одинъ изъ капитальнѣйшихъ моментовъ нашей исторіи. Въ связи съ изученіемъ наполнявшихъ его явленій подымается цѣлый рядъ вопросовъ объ общемъ ходѣ нашего историческаго развитія.

Все содержаніе литературы, посвященной Грозному, сводится, въ сущности, къ постоянному чередованію и взаимному соперничеству двухъ самостоятельныхъ тенденцій. Одна ищетъ ключъ ко всѣмъ эпизодамъ замѣчательнаго царствованія въ перипетіяхъ внутренней душевной драмы царя. Другая выдвигаетъ на первый планъ общеисторическіе процессы, въ связи съ которыми старается объяснить и личную исторію Грознаго. Параллельное литературное развитіе обѣихъ тенденцій представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Прежде всего, историческая литература занялась самымъ Грознымъ. Броская, эффектная фигура царя, какъ и естественно, на первыхъ порахъ заслонила собою отъ глазъ истори-

ковъ самое царствованіе. Такъ явились историческіе портреты Грознаго, набросанные Щербатовымъ, Карамзинымъ, Полевымъ. Историки слѣдили за поворотами настроеній Грознаго, старались объяснить разновременные фазисы его личной исторіи, отгадать его психическую индивидуальность. Развитіе государственныхъ формъ, взаимоотношеніе общественныхъ классовъ, общія условія народной жизни,—все это оттѣснялось на второй планъ, и если привлекалось къ дѣлу, то лишь въ качествѣ удобной внѣшней рамы для центральной исторической фигуры самого Грознаго.

Столь односторонняя постановка вопроса должна была вызвать реакцію съ дальнѣйшимъ прогрессомъ науки. Научная идея законмѣрности народной жизни взростила интересъ къ отысканію общеисторическихъ процессовъ, лежащихъ въ основѣ единичныхъ явленій. Съ тѣмъ вмѣстѣ и на дѣятельность Грознаго историки взглянули, какъ на частный эпизодъ изъ общей исторіи эпохи. Въ прежнихъ попыткахъ изображенія Грознаго теперь увидали результатъ „незрѣлости науки, непривычки обращать вниманіе на связь, преемство явленій. Иоаннъ IV, — говорили теперь. — не былъ понятъ, потому что былъ отдѣленъ отъ отца, дѣда и прадѣда своихъ“ (*Соловьевъ*: „Исторія Россіи“, т. VI). Такъ расширялась первоначальная